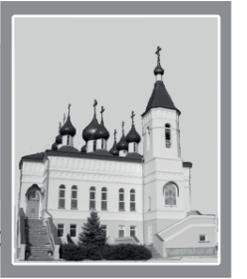

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Имя первого Воскресенья Великого поста так красиво звучит, что и не сведущий в истории праздника человек ощущает прикосновение к великому смыслу. Вот у Платонова в «Чевенгуре» два чудака ищут самую настоящую партию, чтобы туда записаться и быть полезными для истории и приближения земного блаженства.

«Нигде ему точно не сказали про тот день, когда наступит земное блаженство. Одни отвечали, что счастье – это сложное изделие, и не в нем цель человека, а в исполнении исторических законов. А другие говорили, что счастье состоит в сплошной борьбе, которая будет длиться вечно.

– Вот это так! – резонно удивился Захар Павлович. – Значит, работай без жалованья. Тогда это не партия, а эксплуатация. Идем, Саш, с этого места. У религии и то было торжество православия».

«Торжество православия», которое «было у религии», – осязаемое даже для самых простых душ различие между принятием мира Божьего, предложенного религией, и коренным переустройством мира, предложенного новым мировоззрением. Новое мировоззрение тогда предлагало борьбу, такую же «сплошную» и бесконечную, как и ньютоновское пространство. Нынешнее новое мировоззрение предлагает накопительство товаров, услуг и впечатлений, столь же бессмысленное и бесконечное, как и классовая «сплошная борьба». А религия предлагает для созерцания уже покоренные сияющие вершины. У веры есть достигнутые цели, есть одержанные победы, которыми могут наслаждаться все, живущие одной верой.

Внутри понятия «Торжество Православия» существует множество понятий, необходимых для уяснения. Бегло пройдем по ним или просто их поименуем.

Бог стал человеком, Невидимый изобразился. Потерял смысл ветхозаветный запрет на священные изображения. Раз Слово стало плотью, а Плоть видима, то возможна икона, как выражение веры в Воплощение.

Внутренний благодатный опыт есть не у всех. «Не во всех вера» (см. 2 Фес. 3, 2, – прим. ред.). Для ума, озаренного частично, возникает соблазн: «Не идол ли икона?» Соблазн перерастает в полемику, полемика – в войну.

Иконоборцы и православные собирают свои Соборы, взаимно друг друга анафематствуя, богословски обосновывают свое отношение к писанному образу. Часто льется кровь, тюрьмы полны исповедников.

Богословие иконоборцев еретично, оно не от Духа, но от плохо понятой буквы Ветхих Писаний.

Идут десятилетия, скапливаясь в столетия, а война не утихает. Наконец созывается Седьмой Вселенский, на котором иконопочитание торжествует. Вместе с иконой торжествует Церковь во всеоружии истины. Праздник становится символом и занимает свое место в иерархии непогрешительных смыслов.

Всё это нужно знать. Но даже если этого не знать или сделать вид, что не знаешь, у выражения «Торжество Православия» достаточно внутренней красоты, чтобы ею наслаждались и простецы, и книжники.

С точки зрения количественной Православие в мире не торжествует. Оно не самое многочисленное исповедание в христианском мире. Значит, не в количестве торжество. И грехов с ошибками у нас хватает. Значит, не в нашей личной святости торжество. Многие не сделано, многое не понято, кое-где еще конь не валялся. При желании можно и похвалиться, но лучше сдержаться. Человеческая похвала лукава и сиюминутна, самохвальство вовсе порочно. Нуж-

но сначала заслужить, а потом дожидаться настоящей, от Бога, то есть, похвалы. Но Торжество-то празднуется сейчас, прежде окончательной награды! Почему?

Оно празднуется потому, что в нем не только триумф победы над ложью, но и ободрение всем исповедующим православную веру. В этом празднике – трезвая оценка тяжелого исторического пути Церкви. Церкви всегда было тяжело, но Церковь жива! Зная, что она вытерпела, слова о том, что она жива, есть доказательство того, что она непобедима! Церковь неуничтожима ради Истины, исповедуемой Церковью, ради Христа, создавшего и возглавившего Ее. Если к Церкви подмешивается ложь, и золото учения смешивается с соломой человеческих добавок, то Бог проводит Церковь через огонь. Там, в огне, сгорают трава, сено и солома, а остаются золото, серебро, драгоценные камни. Как только поймешь это, тотчас же приобщись к Торжеству Православия.

У этого достойного словосочетания может быть бесчисленное количество маленьких, но драгоценных воплощений. Критики много. Ропота много. Но есть ведь и благодарные тихие речи. Есть скромный подсчет больших и маленьких добрых дел, которые совершались и совершаются верующими людьми во имя Бога и Его же силою.

«У нас в селе долго не было храма, а теперь уже пятый год, как построили и освятили. С каждым годом все больше прихожан», – это Торжество Православия.

«В больницах города волонтеры православного молодежного движения за год убедили триста женщин отказаться от аборта», – это Торжество Православия.

«С тех пор, как в нашем исправительном учреждении открылся храм и заключенные стали активно его посещать, процент возвращения освобожденных обратно за решетку очень заметно упал», – и это Торжество Православия.

На тайский язык перевели Закон Божий, а в Пакистане появился первый в истории этой страны православный священник. Разве это не вселенское измерение и проявление того же празднования?

Пишутся книги, снимаются фильмы, венчаются пары, рождаются дети, которых на пороге жизни встречает Крещением Церковь Христова. Разве это не Торжество Православия?

При всех проблемах, при всей расслабленности и запутанности современного человека, многие люди жаждут монашества, принимают постриг, ищут и находят обители, в которых желают окончить дни. Разве само существование монашества не как бегства от мира, а как принесения себя в жертву Христу не есть то же самое Торжество Православия? Любой творческий труд во славу Воплотившегося Господа, любое терпеливое страдание и стояние за Истину есть Торжество Православия.

Дело только в том, чтобы таких маленьких, но драгоценных Торжеств было как можно больше. Чтобы Церковь торжествовала не только с амвона в праздничные дни, но и в повседневности. Пусть с амвона Она торжествует при помощи протодиаконов. Но пусть в повседневности она торжествует в каждом православном христианине через исполнение Христовых заповедей.

Праздник дает силы и ставит задачи. Задачей для всякого крещеного человека является труд ради Христа. На том маленьком кусочке Вселенной, за который ты отвечаешь, наведи порядок во славу Господа. Расчисти это место (главным образом оно – в душе твоей) и ты подготовишь это место для того, чтобы на нем появилось и укрепилось, крепко стало знамя Торжествующей Церкви, ее хоругвь – Крест Господень, Непобедимая Победа!

Протоиерей Андрей Ткачёв

Службы первой седмицы Великого поста

Подойшла к концу первая и самая тяжелая неделя («седмица» по-церковнославянски) Великого поста. Именно на первой седмице верующими соблюдается самый строгий пост – как в телесном, так и в духовном плане. Кроме того, именно в это время в храмах читается Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского. Этот канон читается по частям – с понедельника по четверг первой недели Великого поста, а полностью он прочитывается на утрени четверга пятой великопостной седмицы.

По своей строгости первая седмица схожа только со Страстной, которая, согласно Уставу, хоть и не является непосредственно частью Великого поста, но, тем не менее, неразрывно с ним связана.

В понедельник, вторник и четверг в нашем храме утреннее богослужение состояло, как это предписывается церковным Уставом, из утрени, часов 1-го, 3-го, 6-го и 9-го, на которых Великим постом положено прочитывать одну кафизму Псалтири (за исключением 1-го часа в понедельник и 1-го и 9-го часов в пятницу), изобразительных (совершаемых вместо литургии; Чин изобразительных является как бы «изо-

бражением», отражением литургии, т. к. содержит изобразительные псалмы, Блаженны, Символ веры, молитву «Отче наш») и вечерни. В среду и пятницу к вечерне присоединяется последование литургии Пржедосвященных Даров.

Первые четыре вечерних богослужения Великого поста выделяются в богослужебном круге положенным на них чтением Великого покаянного канона прп. Андрея Критского. Церковь постановила разделить канон на четыре части, чтобы постепенно подготовить человека к великопостному покаянию. В среду вечером пятой седмицы Великого поста канон Андрея Критского читается снова, уже целиком.

Каждый день первой седмицы храм был полон богомольцами. Многие сподобились приступить к Таинству Причастия. Но тем, кто по каким-либо причинам не смог причаститься на первой седмице, не стоит расстраиваться – впереди еще пять седмиц Великого поста и венчающая их Страстная седмица. Всё это время можно подавать записки на пост, которые каждый день будут прочитываться в алтаре, в любой из дней можно приступить после исповеди к Евхаристии – в среду или пятницу за литургией Пржедосвященных Даров, в субботу (на ночной службе и утром) – за литургией свт. Иоанна Златоуста, а в воскресенье – на ранней или поздней литургии свт. Василия Великого. Кроме того, каждое воскресенье поста (со второго по пятое включительно) можно приступить к Таинству Елеосвящения (Соборования).

Священномученик Игнатий Богоносец:

«Четыредесятницей не пренебрегайте, она составляет подражание жительству Христову».

Вопросы

СВЯЩЕННИКУ

Перед Великим Постом врачи определили у меня диабет и, вместе с этим, всякие ограничения на продукты питания. Как мне поститься в этом Посту? Мне будет 70 через год, на пенсии.

Сообразуйте пост с состоянием вашего здоровья, то есть включите в рацион питания необходимые при вашей болезни продукты.

Батюшка нашего храма благословил детей (8 лет и 11 лет) читать полное утреннее и вечернее правило. Детям зачастую просто лень читать правило и они отказываются молиться. Что мне делать: заставлять (но будет ли от этого польза душевная) или же не заставлять (не будет ли это просто потворством их лени)?

Если дети не могут исполнить всего благословения, то пусть исполнят частично и прочитают хоть несколько молитв. Только подробно объясните им смысл молитв, чтобы они не произносили их механически.

Каким должен быть пост для малышки 1 года и 10 месяцев? Дело в том, что малышку я кормлю грудью до сих пор, но в нашем храме считается, что если мать постится, то и молоко у нее постное. Или это ошибка?

Грудному ребенку вообще не следует поститься. Мысль, что у постящейся матери постное молоко, может вызвать улыбку. Коза всю жизнь ест траву, но у нее молоко скоромное.

Как Вы относитесь к книгам о Гарри Поттере?

Я считаю, что книги о Гарри Поттере являются инъекцией сатанизма, которую вспрыскивают детям.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

«Сила молитвы» и другие рассказы Межавторский сборник

Продолжение. Начало в № 6 (451)

Много разных событий было впоследствии: замужество с пожилым московским бизнесменом, оставившим ей после смерти немалое состояние. Был свой ресторан, магазин на рынке. Много чего было, но ничего не было, потому что умерло что-то внутри. И Люба жила уже через силу, притворяясь деятельной и живой.

На московском асфальте Цыганка не прижилась и однажды вернулась в те края, где девочкой полюбила синеглазого мальчика, а он обещал жениться на ней. Купила здесь за бесценок угода бывшей сельскохозяйственной испытательной станции и построила близ усадьбы весьма прибыльный молокозавод. Не ради денег – их было с избытком, – ей хотелось продемонстрировать свое богатство и доказать своим властным обидчикам, что она не нищенка и не побирушка с базара. Она теперь богаче и круче их. Проще сказать, ей хотелось мстить. А мстить оказалось некому. Секретарь райкома партии загодя, еще до перестройки, купил дом в Карловых Варах и пил теперь там чешское пиво. А начальника милиции новые власти осудили за взятки, и после зоны он спился. Однажды Люба увидела у магазина жалкого пьяницу-попрошайку, бывшего некогда начальником милиции. Насмешливо подала начальнику милостыню, а тот не узнал ее. «Мне отмщение, и аз воздам», – говорит Господь, смиряя неразумных мстителей.

Тем не менее жила Люба шумно и напоказ. Устраивала пиры в банкетном зале при сауне, где, говорят, случались безобразные пьянки и Цыганка с кем-то дралась. Впрочем, это всего лишь слухи. Но было и другое: Люба пожертвовала немалые средства, помогая восстановить полуразрушенный храм. Правда, с батюшкой они сначала разругались. Любе хотелось воздвигнуть храм в честь Василия Великого – в память о синеглазом Васеньке. А священник сказал, что как была здесь испокон века Никольская церковь, так тому и быть, но раба Божиего Василия будут тут поминать в алтаре.

Надеялась ли Любаша на возвращение Василия? На словах – нет. Даже сказала однажды:

– Вася благородный: детей не бросит. Да и я презираю тех подлых бабенок, что уводят отцов из семьи.

Разумом все понималось ясно. А только жила в ней та нерастроченная сила любви, что, как манок, окликала мужчин. Говорят, к Любе сватался генерал и на коленях умолял о любви. А в нашей деревне рассказывали такую историю. Неряшливый и спивающийся конюх Степан, уже так крепко пропахший навозом, что люди сторонились его, увидел однажды Любу и обомлел от восторга.

– Ты бы, Степа, помылся, – сказала ему Люба.

Степан тут же опрокинул на себя ведро воды из колодца и, как замороженный, пошел вслед за Любашей. Год он батрачил у нее в усадьбе, являя чудеса трудолюбия. Не пил, мылся и щедро поливал себя одеколоном. Но когда он, такой благоуханный, предложил Любе «слиться навеки в объятиях счастья», то был изгнан прочь под насмешливым комментарием Цыганки:

– Нет мужика, и гад не говядина.

Поклонники были – любимого не было, и все острее чувствовалась боль одиночества. Даже прибыль с молокозавода почему-то не радовала, но лишь усиливала тоску: а зачем все это и для кого? Ни детей, ни семьи. Еда всухомытку, потому что тягостно и нелепо для себя одной варить борщ и печь пироги. Игра в успешную бизнес-леди вдруг утратила смысл, и обнажилась горькая правда: она одна-одинешенька на белом свете и никому не нужна. Отвращение к поддельной и чуждой ей жизни было так велико, что Люба продала свой молокозавод местному предпринимателю, разогнала любителей пировать на банкетах и отгородилась от людей уже настолько, что даже в церковь перестала ходить.

Однажды затворницу навещил батюшка и обратил внимание на пустующие квартиры, в которых жили когда-то сотрудники сельскохозяйственной станции. Для начала батюшка попросил Любу приютить у себя «ничейную» старуху, давно забывшую, кто она и откуда, и побиравшуюся по церквям. «Ничейная» бабушка была явно деревенской, потому что тут же посадила в огороде картошку, капусту и огурцы. Потом к усадьбе прибилась беженка Ираида, растившая без мужа слабоумного сына Ванечку. А еще шофер-дальнобойщик Игорь попросил Любу взять к себе на лето его старенькую

маму Веру Игнатьевну, потому что он надолго уходит в рейсы, а у мамы бывают гипертонические кризы и ей опасно оставаться одной.

Наконец Люба «усыновила», как она выразилась, инока Иова, сказав потом с досадой:

– Не было у бабы заботы, так купила порося. Он телевизор запрещает смотреть! Совсем больной, еле дышит, а командует, как генерал: утреннее правило, вечернее правило. А еще надумал собирать нас днем для чтения Псалтири. Тут мы все, кроме Ванечки, уходим в подполье: огородами, огородами – и в партизаны.

Только Ванечка любил слушать Псалтирь. Сидит, притихнув, и глаз не сводит с инока.

– Даже ребенок чувствует благодать! – возмущался Иов. – А вы?

Из-за этой благодати, как называл ее Иов, он и попал по-неволе в няньки к Ванечке. И когда мальчик начинал куролесить, со всех сторон раздавалось:

– Отец Иов, заберите Ванечку, а то сладу с ним нет.

К осени шофер Игорь женился и увез Веру Игнатьевну домой. Пожила она там недолго и вернулась, объяснив при этом:

– Квартирка у нас крошечная, однокомнатная. Что я буду мешать молодым?

– Просто невестка вам не понравилась, – усмехнулась Ираида, изгнанная в свое время из дома агрессивной свекровью.

– Нет, хорошая девочка, но ей трудно со мной. Характер у меня такой тяжелый, что до сих пор удивляюсь терпению моего покойного мужа.

Энергичная Вера Игнатьевна многое переменяла в жизни усадьбы. Она была из той нормальной жизни, где обедают на скатерти с салфетками, по праздникам пекут пироги, а именинников поздравляют тортом со свечками. Бывший банкетный зал преобразовали в трапезную, там же отметили день рождения Иова и под пение «Многая лета» вручили ему торт со свечками. Инок даже растерялся, потому что прежде никто не поздравлял его с днем рождения. Торт ел с удовольствием, но по привычке поучал: дескать, свечи надо ставить только перед иконами – все остальное язычество. И «вааще» различные женщины не ходят в платьях с декольте, как блудницы, и украшают себя не плетением волос, но молитвой. Это он о Любе, явившейся на праздник в вечернем платье и со сложной красивой прической.

– Приличные люди, – сказала Вера Игнатьевна, глядя куда-то в сторону, – за обедом не тянут голову к ложке, но подносят ложку ко рту. А слова «вааще» в русском языке нет.

Инок Иов сначала не понял, что это про него, а потом густо покраснел. Иову еще не раз доставалось от Веры Игнатьевны, а он отбивался от нее словами:

– Мнози скорби праведным, и от всех избавит их Господь.

– Люди добрые, посмотрите на праведника! – ахала Вера Игнатьевна.

Конечно, кое-какие недостатки Иов у себя находил, но искренне считал, что это от пребывания в «бабьем болоте», где можно разве что деградировать. Он рвался в монастырь. Даже ездил по этому поводу на совет к старцу. А старец сказал:

– Живи где живешь. Это Господь привязал тебе бревна к ногам, чтобы не бродяжничал, а спасался.

Но разве старец указ для Иова? Однажды утром он все же отправился в монастырь. Дошел до вокзала и упал от слабости. В больнице установили, что иннок в дороге перенес инфаркт, отсюда отечность и вода в легких. После больницы Иова выхаживала Люба, и шла череда процедур: уколы, капельницы, диуретики. Вера Игнатьевна готовила для Иова отвары петрушки, Ираида приносила из леса бруснику, тоже помогающую при отеках. А знакомая медсестра продала Любе секретную биодобавку «для космонавтов», способную воскрешать даже мертвых. Цены на «секретное» зелье были, естественно, бешеные, и это так впечатляло, что Люба забыла, как еще в медучилище профессор рассказывал им о мощенности в фармакологии и, предупреждая об опасности, сказал: «Лучшие из биодобавок те, что хотя бы не приносят вреда». Как же она каялась потом, ведь секретное зелье вызвало у инока аллергический шок. Это был классический отек Квинке: шея раздулась, как шар, лицо полыало красным жаром, а дыхание пресекалось. Люба срочно вколола иноку супрастин и вызвала «скорую». Было сделано все возможное. А врач, уезжая, сказал удрученно:

– Вчера от отека Квинке умер ребенок. Не смогли мы его спасти и здесь, возможно, уже опоздали.

Иов умирал. И тут Люба, обычно предпочитавшая телеви-

зор молитве, от всего сердца взмолилась Господу: «Иисусе, спаси и исцели Иова!» Всю ночь она плакала перед иконами и уговаривала Господа не забирать инока.

На рассвете Иов очнулся и улыбнулся Любе такой младенчески ясной улыбкой, что у нее дрогнуло сердце.

– Если бы мы с Васенькой тогда поженились, – призналась она потом, – был бы у меня сын в возрасте Иова. Пусть даже, как Иов, с тараканами в голове. А у кого, скажите, их нет?

Болел Иов тяжело и долго. Все даже боялись: вдруг он умрет? Но первой умерла Люба.

В последний раз я видела Любу за неделю до ее смерти. Пришла на горку за грибами, хотя какие грибы при такой засухе?

Люба сидела на своем заветном месте и пыталась открыть бутылку коньяка.

– Хочу выпить, а не могу, – подсадовала она, отшвырнув бутылку в сторону.

– Что празднуем? – спрашиваю.

– Поминки. Васька приходил!

Она зло выругалась по-цыгански и сказала:

– Я двадцать лет ждала этой встречи – хоть увидеться на миг, хоть перемолвиться. А он пришел пьяный, похабный, чужой. Завалил меня на кровать и матюкается: «Че ломаешься, гопота детдомовская? Батя точно сказал – на таких, как ты, не женятся». Оказывается, я набивалась к нему в жены и прикидывалась недотрогой, чтобы его распалить. Бьет меня и зачем-то хвастается, что он еще в школе с Зинкою жил, потом с Катькой и с ее мамой... не могу говорить. Пойду.

Она пошла по тропинке какой-то шаткой походкой и, обернувшись, крикнула на прощанье:

– Эй, писательница, напиши, как одна дура Ваську за Христа принимала и молилась ему: «Ангел мой синеглазый». Ангел с рогами! Господи, как же я все перепутала! Перепутала, перепутала.

В тот же день Любу с инсультом увезли в реанимацию.

* * *

Перед смертью батюшка исповедал и причастил рабу Божию Любову. Говорили они долго, но о чем – тайна исповеди. На погребении батюшка всплакнул украдкой, а на поминках строго сказал:

– Господь что повелел? «Не сотвори себе кумира». А у нас кумиров не счесть: телевизор ненаглядный с его завирушками или, ах, обожаемый Васька-прохвост. Вот ты, Ираида, о чем думала, когда за пьяницу замуж пошла? Он ни копейки не дал на сына и больного ребенка смертным боем бил.

– Всякий может ошибиться, – поджала губы Ираида. – Вон Люба Ваську-поганца боготворила, хоть и умнее меня была.

Мне захотелось заступиться за Любу, и почему-то вспомнилась история пушкинской Татьяны... Странная, согласитесь, у нее была любовь. Татьяна фактически не знакома с Онегиным, видела его лишь мельком, да и то озбоченного своим пиццешварением: «Боюсь: брусничная вода мне б не наделала вреда». Но она пишет незнакомцу:

Ты в сновиденьях мне являлся,

Незримый, ты мне был уж мил,

Твой чудный взгляд меня томил,

В душе твой голос раздавался.

Татьяна ищет Бога, это Его голос она слышит в душе. И каким же жестоким было разочарование, когда она находит в библиотеке Онегина антихристианские книги и однажды видит его во сне в окружении нечистой силы и повелителем в мире зла. «Татьяна – это я», – признавался Пушкин, излагая в сюжете о Татьяне историю своих духовных исканий, где было много обольщений. Но было то чистосердечное стремление к истине, что завершилось предсмертной исповедью с высокими словами о Христе.

Вот и Люба искала Бога. История ее любви – это история того предчувствия юной души, когда она откуда-то знает Незнаемого, слышит Его зов. Она ищет божество среди людей и томится той высокой духовной жаждой, какую не утоляет ничто земное. Нет душе покоя, пока не встретит Христа.

* * *

Перед смертью Люба вызвала нотариуса и завещала иноку Иову свой дом, усадьбу и счет в банке с наказом помогать горемычным. Батюшка во исполнение завещания тут же поселил в усадьбу старуху, которую избивал внук-наркоман. Население приюта потихоньку множилось. А Иов хватался за голову и вспоминал, удивляясь: почему у Любы все получалось? И горемычные, хворые, немощные люди как родную любили ее.

Продолжение следует

ОТЕЧНИК

Сказал авва Исаия: «Апостол, ведая, что невозможно любить вместе и Бога, и мир, написал к ученику своему: «Никто же воин бывая, обяжется куплями житейскими, да воеводе угоден будет. Аще же и подвизается кто, не венчается, аще незаконно подвизатися будет» (2 Тим. 2, 4-5)».

«Приносящие благий плод очищаются Богом, с тою целию, чтоб они сделались еще плодоноснее. Но Господь не устаивает любви Своей тех, которые исполняют греховную волю плоти».

«Противостанем лени! Свергнем с себя сударь (Ин. 20, 7)! Сударь, закрывающий глаза, есть забывчивость. Она препятствует нам зреть свет покаяния. Приобретем себе Марфу и Марию: удручение тела подвигами и плач. Да ходатайствуют они пред Спасителем, и Он воскресит Лазаря: ум, связанный многими пеленами – пожеланиями падшего естества».

«Будем подвизаться соответственно силе нашей, и Бог, по множеству милости Своей, окажет нам содействие. Если мы не сохранили сердец наших чистыми, как сохранили их Отцы: то постараемся сохранить от греха по крайней мере тела наши, как требует этого Бог. Веруем, что во время страшной скорби, долженствующей постигнуть нас в час смерти, Он помилует нас, как помиловал всех святых».

Еженедельное издание православного прихода храма Покрова Пресвятой г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>
Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель архимандрит Василий Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в ООО «Теслайн» по адресу:
(Карпов). Выпускающий редактор – иеродиакон Давид (Дьяченко). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!